

III. ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА В КОГНИТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Н.А. Беседина (Белгород, Россия)

РОЛЬ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА

В статье получают развитие некоторые положения теоретической модели функционирования языка, разработанной в трудах профессора Н.А. Кобриной. Детальному анализу с точки зрения лингвокреативности подвергаются английские морфологические формы превосходной степени и множественного числа.

Ключевые слова: мыслительная деятельность, морфология, креативность, формы превосходной степени, формы множественного числа.

Научное наследие Новеллы Александровны Кобриной – выдающегося лингвиста и педагога, автора множества научных работ – пока не стало предметом специального анализа, освещения и обобщения. Это, наверное, и невозможно было сделать при жизни Новеллы Александровны, отличавшейся необычайной скромностью и не любившей оды в свой адрес. С уходом Новеллы Александровны возникает непреодолимая потребность в том, чтобы еще раз прочесть труды Ученого, на чьих идеях выросло несколько поколений лингвистов. Новеллу Александровну интересовало все или почти все, что интересовало лингвистов второй половины XX и начала XXI столетия: грамматика, типология, ментальные основы функционирования языковых единиц разных уровней и др. В суждениях Н.А. Кобриной особую значимость, на наш взгляд, имеет постановка и интерпретация следующих вопросов:

- о категориальном устройстве языка;
- о неполноте значения знака на отдельных языковых уровнях;

- о несовпадении объемов содержания понятийных и грамматических категорий;
- о возможности существования в языке концептуальных сущностей, не имеющих онтологической базы в реальном мире и формирующихся на основе потребностей, возникающих в процессе коммуникативной деятельности;
- о взаимосвязи и взаимодействии концептуального содержания различных языковых единиц;
- о нежестком, креативном характере языковой системы и полифункциональности и полистатутности как их проявлении;
- о комбинаторности как универсальном принципе функционирования языка;

Теоретическая модель функционирования языка, предложенная Н.А. Кобриной и объединившая в себе вышеназванные моменты, направлена на максимально полный охват всех фактов функционирования языка на основе их системного объяснения. Такой подход продиктован тем, что именно «при сопоставлении функций единиц разных уровней выявляется их соотношение и взаимодействие, выявляется качественная парадигма единиц разного уровня с количественным нарастанием качественных характеристик по направлению от низших к высшим уровням, т.е. уровневое строение языка обретает сущностную характеристику, измеряемую в конкретном наборе свойств» [Кобрина 2001: 3].

Среди широкого круга проблем теории языка, рассматриваемых в трудах Н.А. Кобриной, центральное место занимает вопрос о роли мыслительной деятельности в создании и функционировании языковой системы, а шире – о соотношении ментальной сферы и вербализации. В ее исследованиях данная проблема обозначается как «соотношение идеальной и языковой сущности», «понятийный субстрат», «понятийный аппарат», «понятийная основа» языковой системы [Кобрина 1981; 1989; 2000; 2005; 2010а; 2010б].

Разрабатывая проблему ментальных основ языка, Н.А. Кобрина неоднократно подчеркивает, что базой для существования системы языка и владения ею служат понятийные категории. Последние лежат также в основе речемыслительной деятельности, что приводит к тому, что «в процессе порождения выбор семантических единиц и синтаксической организации вторичны, -- они появляются как следствие после формирования понятийных категорий» [Кобрина 1989: 42].

Признавая первичность и основообразующую роль понятийных категорий, Н.А. Кобрина формулирует ряд вопросов, которые необходимо выяснить в соотношении понятийных и языковых категорий. В число таких вопросов она включает вопросы: о степени соответствия понятийных категорий, количественно и номенклатурно, языковым категориям и формам, о соответствии понятийной основы сущностным уровневым и аспектным разновидностям языковых данностей; о наличии на понятийном уровне иерархичности и системности понятийных категорий, подобных иерархичности и системности в языке [Кобрина 1989: 43].

Обосновывая идею о том, что в основе системы языка лежит понятийный субстрат, Н.А. Кобрина приводит ряд аргументов, среди которых особого выделения заслуживают следующие: 1. Сложность и многоплановость самой языковой системы; 2. Большая масштабность понятий в сопоставлении с дробностью языковых классификаций; 3. Большая гибкость, диалектичность понятий, их нефактологичность и неконкретность сравнительно с языковыми сущностями; 4. Наблюдаемое опережение в росте инвентаря понятий сравнительно с очень незначительным ростом инвентаря языковых средств; 5. Наличие имплицитов, т.е. форм, имплицитующих невысказанное в любом тексте; 6. Изоморфизм многих языковых категорий и образований в разных языках [Кобрина 2000: 173].

Существенные аспекты соотношения языкового и мыслительного содержания раскрываются в предложенной Н.А. Кобриной таксономии понятийных категорий, состоящей из трех основных типов. Первый тип представляют такие категории, которые совпадают с понятиями в философии и отражают реальность в виде форм и предметов мысли. Эти смысловые сущности получают отражение в семантике языковых единиц, что приводит к размытости границ между семантикой и понятийным смыслом у этого типа категорий.

Важным положением в предлагаемой Н.А. Кобриной трактовке понятийных категорий данного типа является утверждение о неоднозначности соотношения языковых форм и понятийных категорий и его функциональной значимости при определении типа языка. В языках разных типов это соотношение имеет различный характер. Например, в синтетических языках оно строится по типу: одно понятие – одна или несколько форм. В языках изолирующего типа (в том числе и в английском) оно приобретает иной характер: несколько понятий – одна

языковая форма, что имеет своим следствием наличие полистатутности в языках этого типа [Кобрина 1989].

Категории второго типа – это понятийные категории-параметры, к числу которых Н.А. Кобриной относятся «мыслительные референты» категорий вида, времени, залога, склонения, рода, числа, падежа. У категорий этого типа чаще всего отсутствует однозначная соотносимость с формой.

Третий тип образуют так называемые релятивные, или операционные понятийные категории, которые лежат в основе схем организации понятий и реализуются с помощью семантических сущностей языка. Кроме того, Н.А. Кобрина считает возможным говорить еще об одном типе – понятийных категориях-конструктах, которые возникают на сентенциональном и фразовом уровне, являются составными элементами (и признаками) структуры и реализуются на языковом уровне как члены предложения.

Как видно из представленной классификации, все выделенные понятийные категории ориентированы на разные аспекты и уровни языка и, по мнению Н.А. Кобриной, образуют иерархическую систему. Системность понятийных категорий позволяет автору говорить о понятийной основе или понятийном аппарате языка, который, по предположению Н.А. Кобриной, «должен быть очень динамичной, лабильной и креативной системой» [Кобрина 1989: 46]. Именно системность понятийной основы позволяет сформироваться и существовать системе языка. Однако в отличие от языковой системности, она «вряд ли имеет жесткое уровневое строение, а также аспектное деление» [Кобрина 1989: 46], хотя достаточно устойчива.

Отмеченные свойства имеют своим следствием тот факт, что понятийные категории, являясь «естественной функцией мозга в процессе отражения действительности в нашем сознании» [Кобрина 1989: 46] могут быть как максимально обобщающими, так и более дифференцированными (дискретными) или дробными. Дискретность, как считает Н.А. Кобрина, «может принимать форму дискретности отдельных понятийных смыслов при сохранении общего смысла. В этом случае понятийная категория представляет ряд индивидуальных частных понятий или континуумный их комплекс» [Кобрина 1989: 46].

Еще одной серьезной закономерностью, выделяемой Н.А. Кобриной, является необязательность эксплицитного и ригористического языкового выражения для всех понятийных категорий, так как, наряду с выделенными выше категориями, «существуют скрытые или полу-

скрытые категории, или очень частные понятийные категории, факультативно выявляющиеся и возникающие только в совокупности с другими понятийными категориями» [Кобрина 1989: 48].

Таким образом, на основе проведенного анализа, Н.А. Кобрина приходит к выводу, что понятийные категории шире языковых, в том числе, шире категорий собственно грамматических и строевых. Именно подвижность и разнообразие ментальной деятельности человека, по мнению Н.А. Кобриной, объясняет сложность системного устройства языка, «его многоаспектность, ярусность с возможными уровневыми модификациями, вариабильность функций и значений, стилевых вариантов и других видов неоднозначности» [Кобрина 2010: 16]. Многие идеи, сформулированные Н.А. Кобриной, находят свое логическое продолжение и развитие в работах ее учеников и последователей, выполняющих свои исследования в рамках активно развивающейся в последние годы когнитивно-дискурсивной парадигмы (см., например: [Болдырев 1995; 2004 и др.; Худяков 2000; Беседина 2006; Клепикова 2008; Когнитивные... 2009]).

В литературе вопроса о грамматическом строе английского языка важную роль играет осмысление сущности морфологии, содержащееся в трудах Н.А. Кобриной (см. подробнее: [Пособие... 1974; Кобрина 2005; Кобрина, Болдырев, Худяков 2007]). Морфология, по мнению Н.А. Кобриной, «изучает все то, что заложено «внутри слова», и выявляет, каков потенциал его возможностей участвовать в коммуникативном процессе [Кобрина и др. 2007: 6]. При этом она придерживается идеи о неполновесности морфологии без ориентированности на синтаксис.

Особое место в научном творчестве Н.А. Кобриной занимает разработка идеи композиционных и интеграционных процессов в морфологии, имеющих своим следствием, например, взаимодействие видо-временных форм английского глагола с категориальным значением последнего. В связи с чем встает вопрос о совместимости лексического и категориального значений глагола со значением грамматической формы (временной, залоговой, наклонения). Н.А. Кобрина отмечает несомненную значимость лексического значения глагола при взаимодействии с категориальным значением формы. Важным при этом оказывается то, что соотносимость не сводится к простому суммированию таких значений, т.к. «лексема принимает форму, а не прибавляет ее к своей целостности» [Кобрина и др. 2007: 63]. В этом случае, как правило, «происходит амальгамация и более сложное взаимодействие, вплоть до нечленимого слияния исходных значений» [Кобрина и др. 2007: 63].

Несовместимость же категориального значения глагола со значением грамматической формы является следствием того, что собственно глагольные характеристики, отражающие внутренние денотативные признаки таковы, что препятствуют этому.

Ядром теоретической концепции морфологии, предложенной Н.А. Кобриной, является идея функционального переосмысления внутри лексико-грамматических классов слов (частей речи). Такое переосмысление обозначается как перекатегоризация. В дальнейшем эта проблема получает детальную теоретическую разработку на материале английского глагола в докторской диссертации и ряде более поздних фундаментальных работ Н.Н. Болдырева (см., например: [Болдырев 1994; 1995; 1995а и др.]).

Применительно к исследованию системы английских морфологических категорий важную роль играет мысль Н.А. Кобриной о креативности языковой системы, под которой она понимает «способность приспособливать старые средства к новым целям» [Кобрина 1981: 30]. Именно креативность, как считает Н.А. Кобрина, лежит в основе формирования сослагательного наклонения. Становление системы сослагательного наклонения, по ее мнению, происходило по принципу кластерной категории, т.е. по принципу использования множества формальных признаков, как правило, средств разных уровней.

Когнитивные представления о языке, позволяющие рассматривать язык как когнитивную способность человека и неотъемлемую часть инфраструктуры мозга, предполагают широкую трактовку лингвокреативности не только как создание чего-то нового, но и как нетривиальный выбор одного из имеющихся в языке и известных говорящему средств конструирования образа объекта. Все сказанное дает основание для применения понятия креативности к морфологическому уровню.

Как известно, морфология, прежде всего в своих морфологических категориях, концептуализирует мир в строго заданных параметрах, допуская вариативность лишь в содержании самих этих параметров. Морфологическая форма оказывается жестко фиксированной. Существуют, как известно, формы, передающие множественное число существительных, или падежные формы существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, залоговые и т.д. формы. По ним мы безошибочно определяем соответствующую область языковой концептуализации.

При этом морфологические формы, будучи фиксированными, в процессе реальной коммуникации служат для передачи множества

различных смыслов и так же допускают креативность, иными словами, служат отправной точкой для создания языковой единицы, в основе которой лежит концептуальное содержание, подвергшееся изменению по определенной модели с целью формирования нового смысла. Возможность такой интерпретации допускают, на наш взгляд, формы множественного числа имени существительного, а также формы превосходной степени имени прилагательного и наречия. Как известно, последние служат для передачи высшей степени качества предмета из ряда ему подобных. Данные формы могут быть использованы и для передачи просто высокой степени качества вне сравнения с чем-либо и без соотнесения с другими степенями качества. Данное явление характерно для многих языков, в том числе и для русского и английского, и получило название элятивного употребления. Речь идет о следующих примерах: *милейший человек, добрейшая душа, обыкновеннейший случай, новейшие достижения, благороднейшая цель, наилучший результат, жесточайший кризис, острейшие противоречия, величайший художник, известнейший писатель (ученый, политик и т.д.)*, в которых обозначена предельная степень качества вне сравнения с другими предметами и явлениями или содержится указание на самую высокую степень качества действия вне сравнения: *нижайше кланяться, строжайше запретить, покорнейше прошу*. В английском языке в соответствующих ситуациях маркером элятивного употребления служит неопределенный артикль (определенный указывает как раз на превосходную степень прилагательного): *a most important point, a most beautiful girl, a most interesting theory, a most clever man, a most affordable price*.

Во всех этих случаях ментальной основой функционирования форм превосходной степени имен прилагательных и наречий выступает процесс концептуальной деривации (подробнее теоретическое обоснование см. [Болдырев 2009]) как языковая модель изменения определенного концептуального содержания (в данном случае – того, которое обеспечивает основу семантики форм превосходной степени прилагательного и наречия) с целью формирования нового смысла – элятивного. В основе формирования нового смысла лежит, в частности, мыслительная операция дефокусирования, позволяющая выводить из поля зрения идею сравнения, и обеспечивающая метарепрезентацию (вторичную репрезентацию) уже вербализованного знания. Тем самым подтверждается идея Р.И. Павилениса о непрерывности концептуальной системы и способности человека не столько создавать аб-

солютно новую когнитивную структуру, сколько частично обновлять или регенерировать старую [Павиленис 1983]. Возможность формирования элятивных смыслов на базе форм превосходной степени подтверждает также идею о «пересмотре отношений между языковой формой и соответствующими ментальными репрезентациями», что позволяет в ходе лингвокреативной деятельности конструировать новый или видоизмененный образ объекта. В рассматриваемом случае – выражение оценочного отношения говорящего.

Еще одна морфологическая форма, которая может быть интерпретирована в терминах креативности и метарепрезентирования – это форма множественного числа имени существительного. Речь идет о процессе лексикализации грамматических форм множественного числа, когда форма множественного числа получает самостоятельное лексическое значение, отличное от значения простого множества подобных предметов. Данное явление получило обстоятельное изучение в рамках структурно-функциональной лингвистики в терминах семантической и грамматической изоляции. На наш взгляд, это явление также может быть интерпретировано в терминах лингвокреативности. В качестве когнитивного основания здесь также выступает процесс концептуальной деривации, как языковая модель изменения определенно-концептуального содержания с целью формирования нового смысла. Например: *средство/средства* (например, от простуды) и *-/средства* (деньги), *лес/леса* (пространство, покрытое лесом) и *-/леса* (строительные). Связи между исходным концептом и новым могут носить различный характер. Прежде всего, обращают на себя внимание метонимические связи, организуемые по соответствующим моделям: часть-целое (*карта – карты*), материал-изделие из этого материала (*мех – меха*), способ-событие (*бег – бега*), действие-результат (*воспоминание – воспоминания*) и т.д.

Обобщая все сказанное, еще раз акцентируем внимание на том, что изменения на уровне вербальных знаков происходят как в силу изменившихся представлений человека об окружающей действительности, так и на основе собственно языковой формы, служащей для создания нового знака. Тем самым возникает необходимость говорить не только о лингвокреативности на уровне содержания и на уровне формы (см., в частности, [Ирисханова 2009]), но и о наличии переходной зоны, когда одновременно креативность реализуется и на уровне содержания, и на уровне формы. Именно в такую переходную зону по-

падают морфологические категории. Соответственно возникает необходимость установления законов и ограничений на морфологическом уровне. Одновременно следует предположить, что в креативном континууме функционирования языковых единиц, морфологические формы будут находиться ближе к минимальной степени креативности.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. укр. Тамбов, 2006.

Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. СПб., 1994.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб. Тамбов, 1995.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1995а.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Болдырев Н.Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009. С. 43-51.

Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Исследование познавательных процессов в языке: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2009. С. 158-171.

Клепикова Т.А. Типология лингвистических метареферентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3. С. 5-15.

Кобрин Н.А. Функциональная модель языка // Взаимодействие языковых единиц различных уровней: Межвуз. сб. науч. тр. Л., 1981. С. 30-45.

Кобрин Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. Л., 1989. С. 40-49.

Кобрин Н.А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика: материалы Второй Междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике. 11-14 сентября 2000 г.: в 2 частях. Тамбов, 2000. Ч. 2. С. 170-175.

Кобрина Н.А. Язык и ментальность человека // Международная научная конференция «Язык и культура»: тезисы докладов. 14-17 сентября 2001 г. М., 2001. С. 49.

Кобрина Н.А. Морфология, ее объект и задачи // Филология и культура: материалы V Междунар. науч. конф. Тамбов, 2005. С. 31-32.

Кобрина Н.А. Когнитивное направление как естественное следствие и закономерность в развитии лингвистики // В поисках смысла: сб. науч. тр., посвящ. памяти проф. А.А. Худякова. СПб., 2010. С. 13-22.

Кобрина Н.А. Креативность языковой личности: к вопросу о соотношении ментальной сферы и вербализации // Языковая личность в контексте времени: сб. материалов Междунар. науч.-практич. конф. СПб., 2010а. С. 12-14.

Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007.

Когнитивные исследования языка. Вып. IV.: Концептуализация мира в языке: коллективная монография. М.; Тамбов, 2009.

Павленис Р.И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

Пособие по морфологии современного английского языка / Е.А. Корнеева, Н.А. Кобрина, К.А. Гузеева, М.И. Оссовская: учеб. пособие. М., 1974.

Худяков А.А. Семиозис простого предложения. Архангельск, 2000.

nbesedina@bsu.edu.ru

N.A. Besedina (Belgorod, Russia)

MENTAL ACTIVITY AND FUNCTIONING OF MORPHOLOGICAL SYSTEM

The paper analyzes some facts of superlative and plural forms functioning in English from the point of view of language and mind creativity. Some ideas of theoretical model of language functioning, created by prof. N.A. Kobrina, are revealed.

Key words: mental activity, morphology, creativity, superlative forms, plural forms.